

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОЭТЕМА» ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Серебренникова Надежда Геннадиевна

Кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина»
Nadegda_korrespondensija@mail.ru

THE USE OF THE CONCEPT OF "POETEME" IN THE ANALYSIS OF A LITERARY TEXT

N. Serebrennikova

Summary: The article analyzes the meaning of the term «poeteme» used in scientific literature when describing the semantics of a literary text. The author offers his own interpretation of this term. The poeteme is considered as a textual structure least reflecting the work of logical thinking and most reflecting the work of imaginative thinking.

Keywords: poetess, poetic information, context, poetic image, unanalyzed forms, analyzed forms.

Аннотация: В статье анализируется значение термина «поэтема», используемого в научной литературе при описании семантики художественного текста. Предлагается собственная трактовка данного термина. Поэтема рассматривается как текстовая структура в наименьшей степени, отражающая работу логического мышления и в наибольшей – работу образного мышления.

Ключевые слова: поэтема, поэтическая информация, контекст, поэтический образ, непроанализированные формы, проанализированные формы.

Анализируя смысл художественного текста, а также его формальную, выразительную сторону, исследователи иногда прибегают к термину «поэтема», который, не являясь общеупотребительным, тем не менее, довольно часто встречается в научных работах. Значение этого термина понимается авторами по-разному, либо – в узком, либо в – широком смысле. Поэтема может быть отнесена либо к изобразительно-выразительным средствам, либо понимается как текстовая структура, особым образом организованный участок поэтического текста.

Термин «поэтема» был использован профессором В.Г. Руделёвым в работе «Принципы сегментации поэтической речи», которая вошла в собрание сочинений ученого [1, с. 85-91]. В этой работе, по сути, и был предложен этот термин, точнее, выдвигалась идея о существовании особого сигнала словесно-художественной информации, который был назван «поэтемой». Этот сигнал выражен в особо рода организованной речевой композиции, которая имеет новое значение, отличное от других подобных значимых форм. Эти речевые композиции не членимы на какие-либо отрезки, фрагменты: «Ни поэмы, ни их реальные воплощения в конкретных художественных текстах не членимы, не разделимы на куски» [1, с. 88-89]. Особо интересной в этом случае является мысль В.Г. Руделёва, выраженная в данном предложении: поэтему, оказывается, нельзя полностью отождествлять с самим фрагментом художественного текста, поэтема «не соотносится ни с одним языковым уровнем» [1, с. 88]. В.Г. Руделёв говорит о выделении в художественном тексте, некоторым образом, значимых компонентов, «которые не сводятся к элементам обычной коммуникации и по-

зволяют предполагать особые сигналы эстетической информации» [1, с. 87]. Воплощаясь в поэтическом тексте, поэтема становится знаком, который имеет и содержание, и выражение. Такие особого рода организованные участки текста содержат различные дифференциальные признаки, например, это могут быть ритм, рифма, образность, элементы композиции [1, с. 88]. Таким образом, В.Г. Руделёв понимает материальную сторону поэтемы, ее частную реализацию как особым образом организованный участок художественного текста, выражающий поэтическое значение в наиболее концентрированном виде. Весьма интересной представляется мысль о том, что есть возможность выделить определенный сигнал, который будет содержать художественную информацию, и по этой причине термин «поэтема» использовали некоторые авторы в своих работах.

Однако исследователей в большей степени интересовало именно конкретное воплощение поэтемы в литературном тексте [2, 3]. В данный термин вкладывается уже иное значение, отличное от того, которое описывается в работе В.Г. Руделёва. «Поэтема» начинает рассматриваться в узком смысле, иногда как особая поэтическая фраза, как изобразительно-выразительное средство.

Наиболее широко, на наш взгляд, термин трактует А.Л. Шарандин:

1. Поэтема – это текстовая структура, разноуровневые элементы которой направлены на создание поэтического (художественного) образа, являющегося отличительной чертой поэтического (художественного) текста и способствующего пониманию концептуально значимого смысла текста.

2. Поэтема – это актуализированный в поэтическом (художественном) смысле знак коммуникативной системы человека, состоящий из двух частей: поэтической темы (названия) и поэтической ремы (поэтической информации).
3. Поэтема – это текстовый знак, имеющий уникальную авторскую реализацию и выступающий в качестве реноминанта в речи других носителей языка» [4, с. 129-130].

Поэтема таким образом не связывается с какими-либо особыми дифференциальными признаками и может быть выражена в тексте разноуровневыми элементами. Мы в целом согласны с этой позицией, но нам хотелось бы уточнить некоторые моменты и предложить свою трактовку понимания этого термина.

Мы считаем, что поэтема представляет собой единицу поэтического языка, функция которой сосредоточена на создании поэтического образа, при этом поэтема в наименьшей степени тяготеет к строгим логическим формам мышления и в наибольшей – к поэтическим формам мышления. Такие участки текста являются реализацией поэтического смысла, воплощением нечеткого по своей структуре поэтического образа. Если художественный образ по своей природе сложен, многогранен, то и его формальная сторона, выраженная вербально, будет либо столь же сложна, либо столь же неопределенна и расплывчата. Иными словами, поэтема узнается в тексте по нечеткой или сложной структуре, призванной передавать столь же многоплановый или неясный поэтический образ. При этом поэтема может обладать разными дифференциальными признаками, значение поэтического образа может передаваться с помощью изобразительно-выразительных средств, рифмы, ритма, в широком смысле – с помощью особым образом организованного поэтического контекста. Но каковы в подобном случае критерии разграничения тех участков текста, которые мы предлагаем называть поэтемами и, так называемых, «обычных» художественных участков текста? В данном случае, как мы считаем, следует прибегать к помощи трансформационного метода, когда отдельно взятый фрагмент текста видоизменяется, трансформируется, иными словами, объясняется с помощью приведения к более сложному, аналитическому виду. В связи с этим весьма полезным нам кажется использование понятий «проанализированные» и «непроанализированные формы», которые были позаимствованы нами у Л. Витгенштейна [5]. Известно, что любой поэтический текст не равен простой сумме составляющих его частей, но в данном случае речь идет о разной возможности совпадения первоначальной «непроанализированной» («синтетической») формы и формы, разложенной на части, «проанализированной» («аналитической»). Если проанализировать, так сказать, «обычные» фрагменты текста, то проанализированная и непроанализирован-

ная формы будут отличаться несущественно, а в том случае, если же это поэтема, то разница будет весьма значительной, или для адекватного анализа необходимо будет представить несколько проанализированных форм, или соответствующая проанализированная форма так и не будет найдена. В качестве подтверждения можно взять следующий пример:

«Я ещё никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы, как ветками ива,
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы, на стог улыбаясь,
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где, моя тихая радость –
Все любя, ничего не желать.» [6, с. 114]

Описывая радость, возникающую от чувства единения с природой, поэт прибегает к помощи сравнений и метафор, но если отвлечься от привычного рассмотрения использования выразительных приемов в тексте и попытаться выделить смысловые участки текста по иному принципу, а именно – определить наиболее концентрированные с точки зрения образности фрагменты, то можно сказать, что в приведенном примере присутствует необычный по-своему содержание и форме участок, выделяющийся среди общего фона. Это следующие строки: «Хорошо бы, на стог улыбаясь, / Мордой месяца сено жевать...» [6, с. 114]. Попробуем объяснить эту синтетическую, непроанализированную форму с помощью аналитической, проанализированной. Сразу возникнет трудность, связанная с неопределенностью и некоторой неясностью данного художественного образа. Но сразу скажем, что когда речь идет о «неопределенности», то имеется в виду неясность логическая, т.е. строки не ясны, если их оценивать с позиции нехудожественного мышления. А как раз с позиции мышления поэтического, образ очень ярок и точен. Иными словами, мы можем постичь его только при помощи образного мышления, участие же логической формы мышления в данном случае сводится к минимуму. Попробуем использовать для объяснения такую проанализированную форму: «Поэт видит месяц над стогом, месяц, как кажется поэту, жуёт сено, и поэт улыбается, глядя на это». Однако можно предложить и другую форму, если слово «улыбаясь» относится к месяцу, а не поэту: «Поэт видит месяц над стогом, месяц будто улыбается и, как кажется поэту, жуёт сено». Но данные объяснения не содержат сравнения. Возможно, месяц сравнивается с лошадей или коровой, которая жуёт мордой сено? Но для читателя месяц, к тому же, может представлять не в виде животного, а некоего необыкновенного существа. Таким образом, предполагается, что все эти аналитические формы имеют право на существование, но ни об одной из них нельзя сказать, что она удовлетворяет основным требованиям – просто пояснить, прояснить художе-

ственный образ, прибегая к минимуму дополнительных средств. Подобного рода анализ ничего не проясняет, а напротив, – при попытке объяснить данные строки, необычный, яркий образ словно ускользает, распадается, хотя в той форме, в которой он передан в есенинских строках, – ясен и интуитивно понятен. Таким образом, невозможность подвергнуть анализу и объяснить подобные строки с помощью проанализированной, аналитической формы, является подтверждением того, что перед нами фактически неразложимый текстовый участок. «Мы видим составные части чего-то сложного... Мы также видим целое, которое изменяется (разрушается), в то время как его составные части остаются неизменными. Все это материалы, из которых конструируем <...> картину реальности... Мы рассуждаем примерно так: располагая лишь проанализированной формой, испытываешь нехватку анализа. Зная же аналитическую форму, тем самым обладаешь всем. – Но разве нельзя сказать, что и в этом, и в том случае теряется из виду та или иная сторона дела?» [5, с. 108, 110]. Поэтема, выражающая в текстовой структуре именно работу образ-

ного мышления, не может быть объяснена с помощью аналитической, проанализированной формы. Анализ в данном случае может проводиться только с целью выявления подобных текстовых участков, а для пояснения смысла поэтического образа он не является нужным. Так, Л. Витгенштейн пишет: «Всегда ли целесообразно заменять нечёткое изображение чётким? Разве нечёткое не является часто как раз тем, что нам нужно? <...> Степень возможного сходства отчётливого и размытого изображений зависит от степени неопределенности последнего» [5, с. 113].

Таким образом, анализируя художественные произведения, читатель может попытаться объяснить неразложимые на составные части текстовые участки. Если возникают сложности с заменой данных смысловых участков проанализированной формой, тогда можно сделать вывод, что такой участок текста представляет собой поэтему, непосредственно передающую художественную информацию, отражающую особенности работы образного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руделёв, В.Г. Принципы сегментации поэтической речи / В.Г. Руделёв // Собрание сочинений в шести томах. Том шестой. Друг мой – язык. Часть вторая. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 85-91.
2. Новиков, Л.А. Поэтема / Л.А. Новиков // Вестник РУДН. – 2003. – № 4. – С. 119-127.
3. Подольская, И.В. Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова) / И.В. Подольская. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – 216 с.
4. Шарандин, А.Л. Ведь что-то значат слов сплетенья: к вопросу о поэтическом языке / А.Л. Шарандин // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2002. – Вып. 3(27). – С. 125-130.
5. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. Часть 1. – М.: Гнозис, 1994. – С. 80-322.
6. Есенин, С. Собрание сочинений в двух томах. Том 1. Стихотворения, поэмы. – М.: Русская книга, 1992. – 478 с.

© Серебренникова Надежда Геннадиевна (Nadegda_korrespondensija@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»